

ЧЕЛОВЕК ИЗ МЕТАЛЛА

В СССР на Маяковском специализировались два видных скульптора: москвич Александр Кибальников (академик, лауреат Ленинской и двух Сталинских премий)¹ и ленинградец Борис Пленкин (тоже академик, но лавры его скромнее – Госпремия РСФСР). Впрочем, новокузнецкий памятник заказали Пленкину, когда он был 30-летним малоизвестным скульптором.

Площадь, на которой установлен памятник, прежде называлась Предместной. 19 февраля 1957 года горсовет решил переименовать ее в честь поэта, воспевшего строительство КМК («Рассказ тов. Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка», с хрестоматийными строчками «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвесть»). Тогда же решили поставить на площади памятник. В 1960 году проект девятиметрового (считая пьедестал) монумента был готов и одобрен заказчиком. Сходство его с московским памятником несомненно: пышная шевелюра (хотя поэт в зрелые годы чаще стригся наголо); строгий костюм-тройка (хотя пиджак расстегнут); поэт изображен в движении, нога чуть сходит с пьедестала, в руке – не блокнот, так рукопись... Но от Пленкина этого и ждали. Кибальников получил в 1959 году Ленинскую премию за своего Маяковского, и созданный им образ сразу же стал каноническим. Впрочем, статуя по модели Пленкина была отлита ленинградским заводом «Монумент» только в 1965 году, а когда прибыла в Новокузнецк, пролежала еще два года во дворе местного «Зеленстрой». В итоге памятник открыли лишь 1 ноября 1967 года. Но отношение скульптора к городу это не испортило: в 1970-х Пленкин изготовил серию скульптурных портретов знатных металлургов КМК.

Маяковский всю жизнь оглядывался на Пушкина, собираясь стоять с ним в пантеоне рядом, но про бронзы многопуде и мраморную слить писал пренебрежительно. Памятников Маяковскому поставлено меньше, чем Пушкину, но все равно немало. В одной только Москве – истукан на Триумфальной площади и три бюста: у входа в музей на Лубянке, на станции метро «Маяковская» и на могиле на Новодевичьем кладбище. А также в Петербурге и Екатеринбурге, в Калуге и Уфе, в Дзержинске (Московская обл.) и Зырянске (Казахстан), в Тбилиси и Кутаиси (Грузия), в Херсоне и Торезе (Украина). Есть даже бюст в итальянском Турине, установленный совсем недавно, в честь столетия футуризма. Но и в этом изобилии новокузнецкий памятник – один из самых заметных.

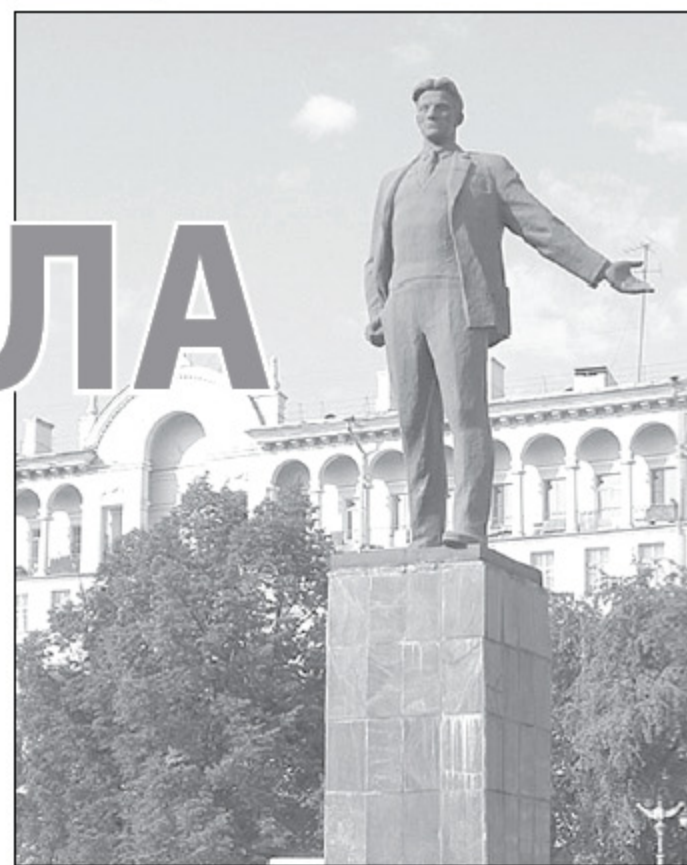
Он вообще охотно эксплуатировал «рабочую тему».

Стихи про город-сад были опубликованы в конце 1928 года в журнале «Чудак» и, по словам Ивана Бардина, помогли кузнецкстроевцам: некая московская комиссия пыталась распушить их за недостаточные темпы, но выступление Маяковского перевело вопрос в плоскость политическую, и кончилось все благополучно. Но не прошло и трех лет, как левобережный Сад-город и правобережный Кузнецк слились в один город, который стал называться Сталинском, а архитектурная концепция города-сада была забыта.

Новокузнецкий памятник уже немолод: ему скоро полвека. За это время и с привокзальной площади города исчезли пафосные строки Маяковского. И КМК перестал быть самостоятельным предприятием. И про товарища Хренова выяснились печальные подробности. Этот собеседник Маяковского, в юности – участник подавления Кронштадтского мятежа, с 1926-го по 1930 год – управделами ЦК профсоюза металлургов в Москве, позднее директор Краматорского металлургического завода, во время Большого террора был репрессирован. Варлам Шаламов вспоминал: «9 августа 1937 года Хренов, в числе тысяч других «троцкистов», плыл в верхнем трюме па-

рохода «Кулу» из Владивостока в бухту Нагаево... Среди этих тысяч людей лишь один человек был с книгой – Ян Хренов. Книга, которую он взял в трюм, берег и перечитывал, – однотомник Маяковского, с красной корочкой. Желаящим Хренов отыскивал в книге страницу и показывал стихотворение «Рассказ Хренова о людях Кузнецка»... В том мире, куда плыл Хренов, было благоразумнее забыть о стихах, притвориться, что ты никогда стихов не слышал, чтобы не вызвать на себя огонь начальства, блатарей и даже собственных товарищей». Позднее на золотом приiske «заболевание сердца, да еще камни в печени дали возможность Хренову работать на «легких работах», получать повышенный паек... В те сказочные времена родилось выражение «стахановцы болезни». Вот стахановцем болезни называли и Хренова». Через пять лет Хренов был освобожден и умер в 1946-м, не успев попасть под новую волну репрессий.

Слава Маяковского тоже претерпела зигзаги. В СССР официальную его репутацию определяла резолюция Сталина: «...был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Неофициальную – слова Пастернака: «После смерти Маяковского стали насаждать как картошку при Екатерине; это стало

Маяковский в Новокузнецке.

его второй смертью, в которой он неповинен». В конце прошлого века Маяковского норовили сбросить с парохода современности: профессор Жолковский анализировал садистские мотивы в его стихах, а публицист Карабчиевский всерьез считал его дьяволом («Менее чем за десять лет он успевает вывернуть наизнанку любой аспект окружающей жизни, снабдив его яркой привязчивой формулой»). Оба были на свой лад убедительны, но в эксперты возьмем не их, а поэта Льва Лосева: «Сам под потолок, недотрога, он трогает, рифмой звеня, игрушечным ножиком Бога, испуганным взглядом меня. Могучий борец с канарейкой, приласканный нежной еврейкой, затравленный Временем-Вином, катает шары и острит. Ему только кажется кием нацеленный на смерть бушприт... Закутанный в кофточку желтую, он рябчика тушку тяжелую, знаток сладковатого мяса, волочит в трагический рот. Отрежьте ему ананаса за то, что он скоро умрет»².

Нынче страсти улеглись, но и читать Маяковского перестали. Издают биографии Лили Брик, смакуют подробности «любви втроем» и гигиенические фобии поэта, который, как леди Макбет, мыл руки каждые полчаса, строит версии вокруг самоубийства. (Впрочем, и творчество Пушкина оказалось в

Маяковский в Москве.

тени истории его последней дуэли.)

Как бы то ни было, Новокузнецк хранит верность Маяковскому как одному из гениев места. И чтит память о героическом периоде своей истории: День города здесь совпадает с Днем металлурга. Да и трагическое мироощущение новокузнецчанам сродни. Здесь до сих пор сетуют, что областным центром 70 лет назад стал Кемерово. Это как если бы в Лос-Анджелесе жаловались, что столицей штата Калифорния является город Сакраменто.

Другой вопрос, насколько Владимир Владимирович может считаться пролетарским поэтом. С одной стороны, он регулярно издавался над стихотворцами «от станка», с другой – вступил незадолго до смерти в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей). Стихов о шахтерах, рудокопах и литейщиках в его полном собрании немало, но все они подходят под определение «агитки». Например, такая сказочка (1921): «Раз шахтеры шахты близ распустили нюни: мол, шахтерки продались, обносились чуни». Но сознательный забойщик убеждает коллег, и они кидаются рубить уголек раздетыми и разутыми, после чего тут же наступает счастье: «Жизнь привольна и легка. Светит уголь, греется. Все у нас – до молока птичьего имеется».

В общем, жаль, что города-сада не получилось. Потому что у человечества есть лишь два образа неземного блаженства: сад и город, райский парадиз и Небесный Иерусалим (или нордическая Валгалла, сады и дворцы китайской горы Куньлунь, мусульманские куши с девственными гуриями – каждому по вере его).

Юрий БОРИСОВ.

¹ Монументов работы Кибальникова в Кузбассе нет, хотя он изваял в конце 1970-х бюст Алексея Леонова. Но сам космонавт предпочел бюст работы другого академика, Льва Кербеля; он и был установлен в Кемерове на улице Весенней четверть века спустя.

² На прицеле тут знаменитое: «Ешь ананасы, рябчиков жуй. День твой последний приходит, буржуй». Но есть и иная подоплека. Маяковский говорил, что его футуризм начался со строчки Андрея Белого «В небеса запустил ананасом». В 1940 г. Лидия Чуковская вспоминала, как ездила в Москву к Брикам по поводу издания однотомника Маяковского: «Мне показало, что Лидя Юрьевна безо всякого интереса относится к стихам Маяковского. Не понравились мне и рябчики на столе, и анекдоты за столом».